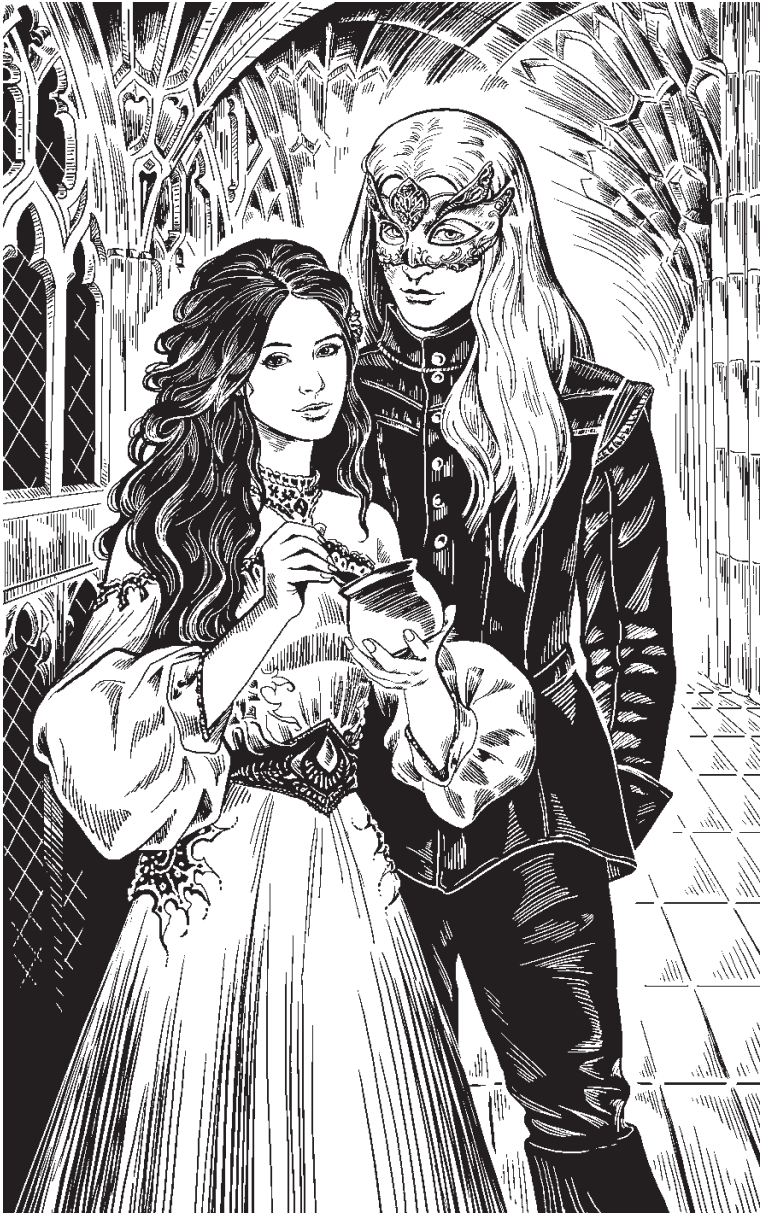

Лариса Петровна

ДРАКОН ВЫБИРАЕТ НЕВЕСТУ
КОЛЛЕКЦИОНЕР ЧУДЕС
КОРОЛЕВСКАЯ ОРХИДЕЯ
ПРИНЦ-ВОРОНА
ВЕДЬМА ЗАПАДНЫХ ПУСТОШЕЙ
ПРИНЦЕССА БЕЗ КОРОНЫ. ОТБОР НЕ ПО ПРАВИЛАМ

Глава 1

ПРИНЦЕССА БЕЗ КОРОНЫ

— Развод? Как такое возможно?

Дайна чувствовала, как пол уходит из-под ног, и молилась лишь о том, чтобы не упасть. Не рухнуть на ковер к остроносым туфелькам свекрови. Золотой свиток с алыми печатями Святого престола, который госпожа Амин держала в руках, пламенел, словно солнце.

Свекрови, конечно, понравилось бы это падение. Госпожа Амин всегда ловила малейший промах невестки, и именно поэтому Дайна сейчас поклялась, что устоит на ногах. Умрет, но не упадет.

— Да, — с торжествующим удовлетворением повторила свекровь. — Да, развод. Я как мать и глава своего дома после болезни государя послала прошение Святому престолу, и оно было принято.

Развод, развод, развод. Страшное слово грохотало в ушах, и сквозь этот грохот Дайна слышала, как суетятся слуги, собирая ее жалкие пожитки. За год в браке с принцем Кендриком Дайна почти ничего не нажила. Может, и свадебные подарки у нее отберут.

Да что подарки! У нее отняли жизнь, а Дайна едва успела привыкнуть к тому, что все наладилось, и мир наконец-то обрел устойчивость.

— Но... почему, госпожа Амин? — прошептала Дайна, глядя в сухое лицо свекрови. Сытая довольная улыбка разрешила его алой трещиной: свекровь ненавидела Дайну с того самого дня, как та появилась во дворце, и теперь светилась от счастья.

— И ты еще спрашиваешь почему? За год жизни с моим сыном ты так и не забеременела! — воскликнула свекровь.

Дайна услышала быстрые шаги за дверями, далекие голоса слуг, суету. Да, ее и в самом деле выгоняют, она пыталась хоть как-то взять себя в руки и не могла.

В день свадьбы она надеялась, что наконец-то нашла дом. Что годы скитаний и тоскливой жизни в приживалках закончены, она подарит принцу Кендрику детей, и жить они будут долго и счастливо до самой старости.

Сквозь растерянность прорвался гнев, и Дайна выкрикнула свекрови в лицо:

— Да потому я не забеременела, что ваш сын не захотел разделить со мной ложе! Так как он предпочитает мужчин! И брак нужен был вам ради того, чтобы развеять слухи о нем и утвердить его право занимать трон!

Да, по старым традициям Абсалона трон страны мог занять только наследник правящей семьи, который состоит в браке или был в нем. Дайна хотела сказать еще что-то, но госпожа Амин оборвала ее ударом по щеке — таким сильным, что Дайна все-таки упала. Какое-то время сквозь пелену боли и слез она видела лишь золотые цветы, вышитые на тифельках свекрови... уже бывшей свекрови.

Ударит? Не ударит? С госпожи Амин станется.

— Я написала Святому престолу, что ты строптива и предпочла оставаться нетронутой, — услышала Дайна. — Разумеется, брак расторгнут. Мой сын свободен, и ты можешь отправляться прочь из моего дома.

В ушах шумела кровь. Весь этот год Дайна отчаянно пыталась понравиться мужу и свекрови. Она была очаровательной и милой, она угождала, она старалась оставаться спокойной и уступчивой и не упрекала мужа, когда он в который раз проходил мимо ее спальни в компании очередного приятеля. Просто терпеливо ждала, молилась и надеялась, что однажды все изменится.

Да, Кендрика хватало лишь на то, чтобы стоять рядом с Дайной на праздниках и приемах и сидеть за одним столом. Его душа была с другими, и Дайна ничего не могла с этим поделать.

— Ты ничтожество, — услышала она голос свекрови с невообразимой высоты. — Знаешь, как тебя называют? Принцесса-побирушка! Принцесса-нищенка! Принцесса-попрошайка! Ты сделала то, что от тебя требовалось, Кендрик был женат, и этого достаточно. Теперь убирайся отсюда. Хватит мозолить мне глаза!

«Да, — только и смогла подумать Дайна. — Да, все это так». Ее отец умер, не оставив наследников мужского пола, а женщина не имеет права занимать престол. Совет крупнейших дворянских семей Абсалона и Святой престол выбрали нового владыку, а Дайна лишилась дома.

Она провела детство и юность в скитаниях — гостила то у одного дальнего родственника, то у другого. Тетка Амалия, у которой Дайна жила перед свадьбой, так искренне радовалась тому, что принцесса-побирушка больше не будет есть ее хлеб...

А госпожа Амин ненавидела ее. Искренне, всеми силами души. Просто потому, что Дайна жила на свете, потому, что на законных основаниях вошла в дом госпожи Амин, который мог бы сейчас принадлежать Дайне, если бы у нее был брат-король.

Теперь следовало подняться — и Дайна поднялась. Смахнула слезы, посмотрела свекрови в лицо — дерзко,

так, как хотела всегда. В девушке заговорила кровь прежней династии — и ни одна женщина в ней никогда не стояла на коленях. И госпожа Амин на мгновение осеклась, потому что жертва не имеет права так смотреть на победительницу.

— Да, я знаю, как меня называют, — ответила Дайна, радуясь, что голос не дрожит. — А как называют вашего сына? Принц-содомит? Принц-мужелюб? Ему все же следовало разделить со мной ложе. Наши дети объединили бы обе династии, прежнюю и нынешнюю. Но у вас не хватило ума, чтобы это понять, вам надо было лишь унижить меня еще раз...

Рот свекрови медленно открывался, становясь похожим на алую букву «О». От рабской покорности не осталось и следа — Дайна никогда не чувствовала себя так. Кровь наполняли жгучие пузырьки восторга и ненависти, и принцессе казалось, что сейчас она взлетит.

Но свекровь почти сразу же совладала с собой. Схватив Дайну за рукав, она выволокла ее из зала и толкнула на лестницу. Служанки, которые подслушивали под дверями, так и брызнули в разные стороны с испуганными возгласами. Дайна скользнула по мраморным ступенькам, ударилась коленом, но все-таки успела ухватиться за перила и удержалась от падения.

— Вон! — прогрехотал голос госпожи Амин. Она выставила свиток от Святого престола так, словно тот был щитом, способным заслонить ее от бывшей невестки. — Вон отсюда!

— Как называют вашего сына? — повторила Дайна, задыхаясь от восторга, гнева и боли. — Принц-содомит? Принц-мужелюб?

Теперь ее слова разнесут по всему дворцу и дальше. Конечно, кто-то скажет, что принцесса-попрошайка про-

сто хотела напоследок очернить супруга. А кто-то и задумается.

— Вон! — На мгновение госпожа Амин из владычицы стала разъяренной бабой.

Свиток полетел в сторону Дайны и скользнул по мрамору.

«...посему брак подлежит расторжению», — прочла Дайна и, поднявшись, медленно пошла вниз по лестнице.

Кендрик не придет с ней проститься. Он спрятался от постылой жены в объятиях очередного дружка.

Ну и дьявол с ним. Дайне надо было решить, что делать дальше.

На ступенях дворца уже стоял слуга с небольшим дорожным сундучком, из-под крышки которого выглядывал рукав поспешно брошенного платья — любимого, нежно-зеленого. Что еще там внутри? Единственная память о матери — игрушечный вытертый медвежонок, которого Дайна хранила как святыню; скомканное нижнее белье; простое голубое платье почти без отделки, в нем она в первый раз приехала к принцу? Что там внутри — ее жизнь, выброшенная, ненужная?

Дайна сделала еще несколько шагов, поняла, что задыхается, и остановилась.

Ее выгнали. Выкинули прочь, решив, что она сыграла свою роль. Возможно, уже сегодня все газеты будут захлебываться в язвительных обвинениях, говоря, что прежняя династия оказалась по-настоящему бесплодной? Сплетничали же о незаконных детях, которые якобы родились от Кендрика — и заговорили о них несколько месяцев назад, госпожа Амин явно готовила почву для обвинения и изгнания...

Дайна слепо смотрела, как впереди, у деревьев стоят придворные и с нескрываемым любопытством смотрят в ее сторону — говорят, смеются, обсуждают, задаются вопросом, у кого принцесса-попрошайка теперь будет просить милостыню на пропитание. Дайна испугалась, что сейчас окончательно лишится чувств и это будет достойный финал ее убогой семейной жизни.

Куда теперь идти? Что делать? Она может, конечно, продать драгоценности, например, это кольцо с холодными голубыми топазами и южными сапфирами, которое госпожа Амин, по счастью, не додумалась сорвать. Этого хватит, чтобы купить маленькую квартиру где-нибудь в Северных садах, и у нее есть еще кольца и тоненькие браслеты, но что будет потом?

«Пойду в няньки, — растерянно подумала Дайна. — Или в гувернантки».

И кто ее возьмет?

Ей хотелось расплакаться, но сейчас, когда на нее смотрели сотни глаз, Дайна не могла позволить себе подобную роскошь. Даже изгнанная и опозоренная, она оставалась принцессой.

А принцессы не плачут.

— Ваше высочество, — услышала она и обернулась.

Баэрн, гранд-мастер инквизиции, всегда казался Дайне холодным и отстраненным. Когда он появлялся при дворе, говорил, шутил, даже танцевал с фрейлинами госпожи Амин, Дайне все равно казалось, будто этот высокий черноволосый мужчина с острым скуластым лицом всеми мыслями находится где-то в другом месте. Вот и сейчас он смотрел на нее и в то же время видел кого-то другого, Дайна чувствовала это.

— Гранд-мастер Баэрн, — кивнула Дайна, и мужчина неожиданно протянул ей руку.

— Пойдемте прогуляемся, если вы никуда не спешите, — предложил он.

Это оказалось настолько неожиданно и настолько кстати, что Дайна все-таки не сдержала слез — предательские слезинки сбежали по щекам. Она оперлась на руку гранд-мастера, и они неторопливо пошли по дорожке прочь от дворца так, словно не было никакого скандала и изгнания, словно никто не смотрел на них из окон, словно все еще было хорошо и мир Дайны не рухнул в очередной раз.

На мгновение, обжигающее и горькое, она вновь почувствовала себя принцессой, а не попрошайкой, которой снова предстоит искать приют и покровителя.

— Нет, — едва слышно ответила Дайна, чувствуя, что готова разрыдаться в голос. — Нет, гранд-мастер, я уже никуда не спешу.

Слуга с сундучком поплелся за ними. Когда Баэрн и принцесса прошли мимо скамеечки, на которой сидели фрейлины в компании каких-то приятелей принца, Дайна с удовольствием заметила, как смолк их шепот. Девушки во все глаза смотрели на изгнанницу, и она с грустью подумала, что когда-то надеялась подружиться с ними.

Никому не нужна ее дружба. И сама она тоже никому не нужна.

— Куда вы сейчас? — спросил Баэрн, и Дайна лишь пожала плечами.

Не плакать, ни в коем случае не плакать, надо сдержать слезы, которые уже катятся по щекам. Но вот впереди показались ворота дворца, и караул собирается открывать их, выпуская изгнанницу.

— Не знаю, — только и смогла прошептать Дайна.

Когда придворные остались позади, Баэрн вдруг остановился и очень заботливо коснулся кончиками пальцев ее щек, стирая слезы. Отстраненный, какой-то мертвый

взгляд при этом оставался прежним, смотрящим сквозь Дайну, и ее пробрал озноб, несмотря на жаркий день.

— Ну, ну, — мягко произнес гранд-мастер. — Не надо так плакать, ваше высочество.

— Постараюсь, — всхлипнула Дайна, и ее вдруг повело в сторону так, что она уткнулась лбом в грудь Баэрна и разрыдалась. Никакая она не принцесса — просто побирושка, ветошь, которую можно взять и вышвырнуть.

Гранд-мастер мягко приобнял ее за плечи, погладил по голове и сказал:

— Это ничего, ваше высочество. Это пройдет, можете мне поверить. Мой брат живет в Пригорье, он настоятель монастыря Святого Фомы. У него есть пустующий дом, в котором вы сможете жить со всеми удобствами. Столько, сколько захотите.

Принцесса удивленно взглянула на гранд-мастера. Он улыбнулся и наконец-то посмотрел на нее прямо.

— Благодарю вас, вы очень добры, — выдохнула Дайна. — Чем я обязана такой доброте?

Улыбка, скользнувшая по губам Баэрна, была тонкой и острой, и Дайне почему-то подумалось, что госпожа Амин упала бы в обморок от страха, если бы увидела ее.

— Ничем, — беспечно ответил гранд-мастер. — Что может быть лучше для души, чем вовремя сделанное доброе дело?

— Спасибо, — прошептала Дайна, и они пошли к воротам. Ей казалось, что бывшая свекровь сейчас буравит взглядом их спины, глядя в окно и пытаясь понять, что именно затеял гранд-мастер Баэрн и почему это принцесса-побирושка рыдает у него на груди.

Вот и ворота, вот и стража, которая старательно смотрит куда-то поверх головы Дайны. Вот и экипаж гранд-мастера, только у него такие красивые черные

кони. Слуга убрал сундучок с пожитками, перед Дайной открыли двери, и, обернувшись к Баэрну, она сказала:

— Пусть Господь наградит вас за вашу доброту... — Горло снова сжало спазмом от горя и слез, и изгнанница больше не смогла вымолвить ни слова.

— Доброго пути. — Баэрн едва заметно улыбнулся, закрыл за Дайной дверцу, и экипаж покотился по проспекту в сторону Большого тракта.

И девушка не увидела, как гранд-мастер вынул из кармана крошечный листок бумаги, дунул на него, и листок, поднявшись в воздухе над ладонью Баэрна, затрепетал, складываясь в птичку.

— Я все проверил, — произнес Баэрн, и по птичке побежали чернильные завитки букв. — У нее действительно есть дар, пусть и слабый. Его пробудила сегодняшняя боль. Можешь встречать ее на тракте по дороге в Пригороде.

Закончив диктовать, гранд-мастер снова дунул на бумажную птичку, и, раскрыв крылья, она поднялась над городом, поймала солнечный луч и скользнула по нему на север.

Когда столица осталась позади, Дайна почувствовала, что успокаивается.

Это было для нее привычным: куда-то ехать, устраиваться на новом месте, знакомиться с новыми людьми, привыкать... Чем дальше уезжал экипаж, тем сильнее семейная жизнь казалась Дайне похожей на сон.

А снам свойственно заканчиваться.

Она взяла письмо Святого престола, прочла его еще раз и хотела, было, разорвать, но передумала. Документы следует беречь, даже настолько гадкие. Заглянула в сундучок — кроме нескольких платьев, белья и домашних ту-

фель, расшитых бисером, в него положили старый затертый томик Писания и шкатулку с украшениями. Увидев их, Дайна вздохнула с облегчением. Значит, у нее есть на что жить.

Медведь, завернутый в носовой платок, обнаружился на самом дне сундучка. Дайна прижала его к себе и, глядя в окошко на желтеющие поля и еще зеленый гребень дальнего леса, поклялась, что больше не будет плакать. Надо не тратить силы на слезы, а решать, как жить дальше.

Предложение гранд-мастера Баэрна было действительно спасительным. Но Дайна понимала, что у таких людей лучше не гостить дольше недели. Несмотря на доброту, Баэрн казался ей опасным, и принцесса решила не злоупотреблять гостеприимством его брата.

Продать драгоценности. Купить квартиру или небольшой дом. Искать работу.

Экипаж проехал по лесной дороге среди высоких сосен с золотыми стволами и оказался в Холмах. Дайна посмотрела в окно — зеленые спины холмов казались спящими животными, на которых беспечные люди построили дома.

Когда эти дома и сады, кудрявая зелень, рыжие крыши вдруг поплыли куда-то в сторону и завертелись пестрой каруселью, Дайна даже не успела испугаться. Ее подбросило на скамье, ударило о стенку экипажа, швырнуло в сторону, потом очередной бросок приложил девушку виском о край скамьи, и она потеряла сознание.

Очнулась Дайна от густого тяжелого фырканья.

Перед лицом была трава. Принцесса шевельнулась, попробовала приподняться на локтях и увидела деревянное крошево, которое осталось от экипажа. Чуть поодаль лежали мертвые лошади — сейчас они показались игру-

шечными, ненастоящими. Из-под бока одной из лошадей торчал сапог возницы.

Кто-то сильный протянул руку, схватил экипаж и, сжав в ладони, швырнул на землю.

Во рту была кровь, перед глазами то и дело начинало клубиться серое марево обморока. Земля содрогнулась, и Дайне показалось, что ее подбросило на траве.

Бум-м! Бум-м! Сзади двигалось что-то огромное, его густая темная тень упала на траву, и день померк. «Это оно фыркало», — подумала Дайна, вдруг увидев своего медвежонка — грязного, запачканного кровью.

В ту же минуту ее подхватили, подбросили в воздух и перевернули.

Дайна захотела закричать, но не смогла. Хотела зажмуриться — и не смогла тоже. Над ней нависала чудовищная громадина оскаленной драконьей морды, и Дайна видела: золотые чешуйки убегают от носа ко лбу, в глубоко посаженных глазах плавают алые искры, в раззявленной пасти теснятся изогнутые зубы в несколько рядов.

Возле плеча Дайны пролетела тяжелая капля слюны.

«А что драконы делают с принцессами, нянюшка?» — вдруг вспомнила она свое детство, старенькую няню, которая рассказывала самые страшные и захватывающие истории на свете, и свой восторженный ужас.

«Жрут, миленькая моя, — отвечала нянюшка, и спицы в ее руках принимались стучать быстро и весело, и розовая душегрейка для Дайны все росла и росла. — Это их природа такова, чтобы только мясом благородной девы насыщаться. От нас, крестьянок, сытость им не та. Они, гряд, лучше одну принцессу сожрут, чем тысячу простых баб. Но ты не бойся, миленькая, не бойся! Их уже, почти-тай, лет сорок никто не видывал!»

Дайна смотрела на дракона, не в силах отвести взгляда. «Я сплю, — только и могла она думать, беспомощно бол-

таясь в драконьих когтях. — Я сплю, и все это сон, и я сейчас проснусь...»

Дракон фыркнул, и Дайну обдало такой невыносимой вонью, что в глазах потемнело снова. Из чешуйчатых ноздрей поднялись струйки пара, и принцесса поняла, что сейчас будет. Нянюшкины сказки поведали обо всех жутких подробностях.

Он дохнет огнем, поджарит добычу и проглотит.

В следующий миг Дайна уже летела к земле — удар почти вышиб из нее дух, и сквозь вату, что словно заполнила уши, она с трудом расслышала чей-то голос, уверенный и властный.

Голос приказывал оставить добычу и улетать отсюда.

Дракон зарычал.

Приподнявшись на локтях, Дайна увидела свет — белый, искрящийся, он ударил прямо в драконью морду, прямо в зубастую раззявленную пасть. Дракон вскинул голову, взревел, и широкий луч полоснул его по шее, а второй ударил по когтистым передним лапам.

— Прочь! — услышала Дайна. — Прочь отсюда, тварь!

Она готова была поклясться, что дракон стал меньше. Он уже не заслонял собой половину неба, он пятался от белых лучей, и сквозь его рев отчетливо проступали скулящие нотки. Девушка обернулась и увидела человека в темном плаще мага.

— Прочь! — раскатилось над холмами, и драконьи крылья развернулись с влажным треском. Земля снова содрогнулась, дракон взлетел и, тяжело взмахивая крыльями, направился на север.

Дайна обмякла на траве. Над ней висел легкомысленный синий купол неба с завитками облаков, и какое же это было блаженство — просто смотреть на небо без драконьих крыльев, быть живой, дышать... Даже легкая боль,

что царапалась в груди, не мешала. Боль пройдет — Дайна в этом не сомневалась.

Послышался шелест одежды, и маг, который прогнал дракона, склонился над девушкой. Она увидела темный капюшон, бледный полумесяц маски, длинные белые волосы — и тотчас же вскочила, пытаясь совладать с нахлынувшим страхом.

Это был Валентин, верховный волшебник Абсолон. Ректор академии магии, он никогда не открывал своего лица, пряча его под маской. Смелчаки отваживались шепотом и с оглядкой заводить разговоры о невероятном уродстве господина ректора. Говорили, что в него плюнула огнем саламандра. Другие уверяли, что когти оборотня вырвали у Валентина половину щеки. Или утверждали, что он был бы очень хорош собой, если бы не глубокие незаживающие язвы, оставленные проклятием древнего божества.

Дайна смотрела, не в силах отвести глаз, и не знала, кто страшнее — Валентин или дракон.

— Все в порядке? — поинтересовался маг. Откинул капюшон плаща, полностью открыв маску — уродливую, клювастую. Из тьмы прорезей сверкал острый ироничный взгляд, и почему-то Дайна успокоилась.

Она жива. Это главное. Не спасал же ее ректор для того, чтобы убить.

Да и зачем ему убивать принцессу-побирушку? Не будет же он варить из нее зелья, как рассказывали дворцовые служанки.

— Благодарю вас, милорд, — ответила она, стараясь говорить спокойно и ровно, но голос все-таки задрожал. — Вы... вы спасли мне жизнь.

Судя по голосу, осанке и рукам, Валентин был молод, и Дайна невольно задалась вопросом: что же все-таки случилось с его лицом? Волшебник подошел ближе, и она уловила его запах — от плаща Валентина веяло сухими

травмами и чем-то еще, непонятным, но влекущим, заставляющим смотреть.

— Что-то болит? — уточнил он и добавил: — Вас потрепало, как я вижу.

Дайна вдруг поняла, что после пребывания в драконьих когтях выглядит действительно ужасно. Левый рукав почти оторвался, платье приобрело незапланированный разрез сбоку почти по пояса, и ветерок играл с грязной тканью, бессовестно обнажая ногу. Девушка дотронулась до лица и увидела на пальцах кровь.

— Немного давит в груди, — откликнулась Дайна. — Но это пустяки, пройдет. Еще раз благодарю вас, милорд.

Ей показалось, что человек в маске улыбнулся в ответ. И Дайна готова была поклясться, что у него очень приятная, располагающая улыбка.

— Что ж, тогда поедем отсюда. — Валентин мягко провел рукой по воздуху и обломки экипажа, мертвых лошадей и погибшего возницу вдруг затянуло вуалью тумана. Когда туман рассеялся, то на дороге остался лишь разбитый сундучок с разбросанными пожитками.

Движение руки мага было спокойным и легким — повинувшись ему, вещи Дайны вдруг принялись прыгать и сворачиваться, словно ими занялись невидимые слуги. Стенки и крышка сундучка заплясали на земле. Спустя несколько мгновений одежда принцессы улеглась в целый и невредимый сундук. Последним в него запрыгнул медвежонок, на котором теперь не было ни пятнышка.

— А... куда мы? — спросила Дайна и ахнула, увидев, как из пушистых нитей золотого тумана прямо перед ней появляется новый экипаж. Валентин открыл дверцу и ответил:

— Здесь неподалеку есть очень красивый городок, а там гостиница с ресторанчиком. Отличное место для неторопливого и важного разговора.

Дайна сказала себе, что не будет удивляться. За сегоднешний день уже хватило поводов для удивления.

— А у нас важный разговор? — поинтересовалась она.

На руку волшебника пришлось опереться, и принцесса почувствовала, как по пальцам пробежали колючие искры. Сильная и холеная рука человека, который никогда не сталкивался с тяжелой работой. Дайне почудилось, что это мимолетное прикосновение что-то пробудило в ее душе. Что-то очень трепетное, значимое.

— Очень важный, ваше высочество, — ответил Валентин, устроившись на соседнем сиденье. — Такой, который все изменит.

Дайна однажды уже встречалась с Валентином — в самом начале ее супружеской жизни, когда ей и Кендрику представляли самых значительных людей страны. Она помнила, каким ужасом тогда ее обдало: беловолосый человек в уродливой маске поклонился, легко дотронулся до ее протянутой руки и мягко провел по ладони указательным пальцем — словно печать поставил.

Говорили, что Валентин способен отнять жизнь одним прикосновением, и Дайна испугалась, что это было именно оно. Но потом на нее снова нахлынули запахи, звуки, краски, и девушка поняла, что может дышать.

Она не умерла.

О господине ректоре ходило множество пугающих слухов. Дайна старалась не обращать внимания на страшные рассказы о том, как Валентин поднимает гнилых гончих из подземных глубин и отправляет по следам своих врагов. Но сейчас, когда экипаж въехал на широкую улицу незнакомого городка, прогрохотал по брусчатке мостовой и остановился возле гостиницы, Дайна снова почув-

ствовала, что ее охватывает вязкая слабость, как в тот далекий день в тронном зале.

— Здесь красиво, — заметила принцесса, когда Валентин помог ей покинуть экипаж. Городок действительно был очень мил, он словно сошел с открытки: красные черепичные крыши, сады, фонтаны — на всем лежала печать беззаботного веселья.

— Я не позволил бы себе привезти леди в канаву, — усмехнулся Валентин.

Гостиничный слуга, который подбежал к экипажу за багажом, уставился на Дайну, разинув рот от удивления. Должно быть, не каждый день сюда привозили девушек с окровавленными лицами и в разорванных платьях.

— Мне нужно привести себя в порядок, — сказала Дайна.

Только сейчас она поняла, насколько устала. День клонился к вечеру, и чего в нем только не было — внезапный развод, потеря дома, нападение дракона... Что еще этот день готовит ей в качестве вишенки на торте?

— Разумеется. — Валентин кивнул и, вновь предложив Дайне руку, повел ее в гостиницу.

Их номер был на втором этаже. Дайна сначала испугалась, что Валентин останется с ней, но, к ее невероятному облегчению, господин ректор вышел. Умывшись в крошечной ванной, примыкавшей к комнате, Дайна посмотрела на себя в зеркало и подумала, что выглядит ужасно. Лицо осунулось, под глазами залегли тени, даже волосы, кажется, потемнели.

Что сейчас делает Кендрик? Чем занята свекровь? Радуются, что принцесса-попрошайка наконец-то сделала свое дело и они избавились от ее надоедливого присутствия?

Возможно, они даже устроили праздник по этому поводу.

Глаза заблестели, Дайна зажмурилась и похлопала себя по щекам. Не плакать, ни в коем случае не плакать! Валентин не должен увидеть ее слез — да больше ни одна живая душа их не увидит.

И однажды она вернется, чтобы говорить с бывшим мужем и свекровью уже с позиции силы. Сейчас, стоя в маленькой ванной с обколотой плиткой на стенах и глядя в потемневшее от времени зеркало, Дайна была в этом уверена.

Она вернется и заставит их пожалеть о том, как с ней поступили. Она слишком долго была милой и покорной. Сейчас ей хотелось мстить.

Переодевшись в скромное темно-синее платье, Дайна заплела волосы в косу и вышла из номера, чувствуя, что идет в новую жизнь — вот так, просто, налегке. Портье на первом этаже поклонился ей и сообщил, что господин ректор ожидает ее высочество в ресторане на улице.

Дайна вдруг подумала, что ужасно проголодалась.

Валентин занял столик в углу веранды — оттуда был виден большой фонтан на площади и гуляющие парочки. Музыканты расставляли стулья и вынимали инструменты из футляров: скоро заиграет музыка и начнутся танцы.

Валентин сменил свою клювастую маску на другую — она открывала крупный, четко очерченный рот и острый подбородок с широким рубцом шрама, убежавшего под воротник. Опустившись на стул, проворно подставленный официантом, Дайна неожиданно поняла, что господин ректор уже не внушает ей страха. Да, могущественный волшебник, который по какой-то причине скрывает лицо, но пока девушка не видела от него ничего, кроме добра.

— Добрый вечер, милорд.

— Добрый вечер, ваше высочество.

Двое официантов принесли большую темную доску — над ней на сверкающих металлических пиках была

закреплена запеченная свиная рулька. Компанию ей составляли светлые клубни вареной картошки, полдюжины мисочек с соленьями и разноцветные соусы, от аромата которых начинала кружиться голова, а рот наполнялся слюной.

— Конечно, это не те деликатесы, которые подают при дворе, — заметил Валентин, вооружившись длинным острым ножом, — но мне нравится. Ничего нет лучше простой крестьянской пищи.

— Еда замечательная, — с улыбкой ответила Дайна.

Некоторое время они ели молча. Когда тарелки опустели, а официанты принесли маленькие чашки с кофе и поднос с дынными пирожными, Дайна спросила:

— Так о чем же вы хотели поговорить со мной, милорд?

Губы Валентина дрогнули в улыбке. Он сделал глоток из чашки, и принцессе почему-то показалось, что он поморщился.

— Что вы собираетесь делать, ваше высочество? — спросил ректор. — Теперь, после развода?

— Вести привычную жизнь принцессы-попрошайки, — ответила Дайна и сама удивилась тому, насколько равнодушно, спокойно и страшно из-за этого спокойного равнодушия сейчас прозвучали ее слова. — Я ехала в Пригорье. Гранд-мастер Баэри сказал, что его брат меня приютит.

Валентин понимающе кивнул. Глаза мягко блестели в прорезях маски, и Дайне хотелось верить, что он смотрит на нее с сочувствием.

— Никогда больше так себя не называйте, — сказал он. — Договорились?

Дайна кивнула. Уже в который раз за сегодняшний день ей стало страшно.

— Как ваша боль в груди? — поинтересовался Валентин.

Принцесса машинально подняла руку к кружевной отделке по вырезу платья и тотчас же опустила.

— Проща. Благодарю вас.

— Зачем вам это Пригорье? — усмехнулся Валентин. — Кормить комаров в гостях у святоши — это скучно, на мой взгляд.

Дайна почувствовала, как в груди что-то неприятно царапнуло — не то кашель, не то дурное предчувствие.

— У меня нет другого выхода, — ответила она. — Мне нужно зацепиться хоть где-нибудь.

— Планируете работать? — осведомился Валентин, равнодушно ковырнув полупрозрачный золотистый бок пирожного.

Оркестр начал играть, и первые, самые нетерпеливые парочки закружились в танце. Дайна вспомнила, как танцевала с Кендриком на балах и как одобрительно смотрел на нее король — больной, тощий, он едва мог сидеть и, должно быть, сразу же забывал всех, кого видел. Но Дайна чувствовала его любовь — тихую, бессмысленную.

Расскажет ли Кендрик отцу о своем разводе? Или пожалеет старика?

— Разумеется. Мармелад еще не растет на деревьях, а я его люблю.

— Похвально.

Официант поставил перед Дайной креманку с многослойным цветным мармеладом: каждый брусочек украшали мелкие ягоды звончака, кисло-сладкие и бодрящие. Дайна невольно улыбнулась.

— Благодарю вас, милорд. Вы очень добры.

— Я приглашаю вас в мою академию, — вдруг произнес Валентин. Дайна посмотрела на него с искренним удивлением. Ей учиться в академии магии? При полном отсутствии магических способностей?

— Я... право же, милорд... — Принцесса совершенно растерялась. — Это неожиданно. И у меня нет магического дара, никакого. Я даже не могу найти спрятанный предмет с помощью рамки.

На мгновение ей показалось, что взгляд Валентина сделался пронзительным и цепким — от него стало холодно.

— И все же я приглашаю вас в мою академию, — повторил Валентин. — Вам будет где жить, у моих студентов прекрасные условия. Вы получите работу, которая возвысит вас... и поможет отомстить. Вы ведь хотите отомстить?

Какая-то из девушек на площади залиvisto рассмеялась над шуткой кавалера. Сумерки становились все гуще, их пыльно-золотой цвет постепенно обретал сиреневый оттенок. Дайна неожиданно подумала, что в их номере всего одна кровать и ей, по всей вероятности, придется провести эту ночь вместе с господином ректором.

— Да, я хочу отомстить, — ответила она. — Но что вы попросите у меня за вашу доброту?

Валентин усмехнулся.

— Я не могу быть добрым просто так? — поинтересовался он.

— Не можете, — отрезала Дайна. — Я успела понять, что никто не бывает добрым без выгоды.

Валентин повернул голову в сторону площади и какое-то время смотрел на танцующие пары. Дайне подумалось, что он не хочет говорить о том, что у него на уме.

— А о чем мужчина может попросить женщину? — наконец, полюбопытствовал Валентин.

На мгновение сквозь страх Дайны пробилась тоскливая брезгливость. «Он спас тебя от дракона, — тотчас же ожил внутренний голос. — Если бы не он, тебя бы уже сожрали и не подавились. Чем еще ты можешь отблагодарить его, принцесса-попрошайка?»

— Я думала, *вы* предложите что-то более интересное, — сухо ответила Дайна. — Впрочем, я согласна.

Острый блеск глаз Валентина смягчился. «Интересно, — подумала принцесса, — он заставит меня расплываться сегодня?»

Ей сделалось тоскливо и горько. Кажется, никогда она не чувствовала своего одиночества настолько остро. Потом сквозь горечь проступил тот кураж, который всегда поддерживал Дайну и не позволял ей сдаваться. Муж день за днем избегает ее спальни? Пустяки, все еще будет хорошо! Свекровь поджимает губы, видя Дайну? Пустяки, она найдет способ ей понравиться!

— Если вы предпочитаете более интересное, ваше высочество, — произнес Валентин, — то вот что я вам предложу. Вы можете разделить со мной ложе этой ночью. Допьем кофе и не будем тратить времени даром. Или же однажды вы выполните мою просьбу. Я не знаю, какой она будет. Но даю вам слово — в ней не будет ничего предосудительного.

Дайне казалось, что невидимый камень, который лежал на ее плечах с того момента, как она покинула дворец, стал еще тяжелее.

— Я разделю с вами ложе, милорд, — ответила она, понимая, что своим согласием обрубает все связи с прошлым. Та Дайна, которая сегодня утром проснулась в королевской опочивальне, никогда не поступила бы так.

Ей хотелось расстаться со своим прошлым. Выбросить прочь все, что напоминало о том фарсе, которым был ее брак. Измениться.

Муж отказался сделать их брак настоящим, а не фиктивным? Ну что ж, это сделает другой человек, который к тому же спас ее от мучительной смерти в драконьей пасти.

Дайна решила, что сейчас именно это ей и нужно. Отомстить Кендрику — пусть даже он не узнает о ее мес-

ти. Девушка чувствовала, что это поможет ей успокоиться и окончательно оставить все позади.

— Неожиданно, — усмехнулся Валентин. — Почему не просьба?

— Потому что я понимаю, как это бывает на ложе, — ответила Дайна. — А вот какой будет ваша просьба — это еще неизвестно. Я выберу то, о чем знаю, пусть и из рассказов фрейлин.

Некоторое время Валентин молчал, а потом заметил:

— Вы умны, Дайна. Я подозревал, что вы лишь милая и угодливая кокетка.

Принцесса усмехнулась. Да, такой ей и следовало быть. Милой, угодливой, послушной. И к чему это привело?

— Не пойму, — сказала Дайна, — вы хотите оскорбить меня или сделать мне комплимент?

Валентин улыбнулся. Осторожно, словно боялся спугнуть, взял Дайну за руку и уже знакомым жестом провел пальцем по ее ладони. Прикосновение окатило Дайну огнем и заставило задрожать от нарастающего ужаса.

— Не старайтесь казаться циничнее, чем вы есть, — мягко произнес Валентин и негромко добавил: — Идем.

В номере оказалось темно. Дайна не думала, что тут царит такой глубокий мрак — когда они уходили из рестораника, на улице было еще светло.

Или это Валентин что-то сделал со светом?

— Магическая завеса, — ответил господин ректор на ее незадаанный вопрос. — Я всегда окружаю её те места, где буду жить. Если это не академия, конечно.

Валентин звонко щелкнул пальцами, и по воздуху поплыли золотые светлячки, деловито работая крылышками и рассыпая во все стороны сверкающую пыльцу. Ком-

нату озарил мягкий теплый свет, Валентин открыл окно, и светлячки с негромким гудением вылетели в гостиничный сад.

Дайна вдруг подумала, что совершила ошибку. Очень большую ошибку. Господи, еще утром она была женой принца Кендрика, планировала какие-то дела и заботы вроде пошива нового платья и посещения детского дома, который опекали их высочества. Она даже предположить не могла, что будет встречать ночь в гостинице маленького городка в компании самого могущественного волшебника Абсолона.

А потом пришла свекровь с бумагами Святого престола. И все рухнуло.

— Не надо так дрожать, — негромко посоветовал Валентин. — Я не собираюсь ничем вас обижать.

Дайна не знала, можно ли этому верить.

— Мне нужно умыться, — прошептала она, чувствуя, как немеют губы.

Валентин лишь кивнул.

Подхватив ночную сорочку из сундучка, Дайна ушла в ванную, быстро переоделась и, завязывая тонкие шнурки у ворота, поняла, что ее знобит. Кажется, в когтях дракона не было так страшно — то густое, глубокое чувство, что сейчас охватило ее, было болезненным и язвющим.

Валентин стоял спиной к окну. Он успел снять мантию и положить ее в кресло и сейчас в тонкой белой рубашке и узких темных штанах выглядел самым обычным человеком. Возможно, он как-то умел контролировать чужие чувства, но Дайна неожиданно поняла, что сейчас господин ректор больше не пугает ее. Девушка нырнула под одеяло, свернулась клубочком, и сверкающая пыльца, оставленная светлячками, стала меркнуть.

Да и стоит ли бояться того, кто спас тебя от дракона?

Комната погрузилась во мрак — настолько густой, что на мгновение Дайна испугалась, что ослепла.

— Вообще-то драконы нападают не на всех принцесс, — сообщил Валентин, и Дайна услышала шелест одежды: ректор снял рубашку. Что-то с сухим костяным стуком легло на прикроватный столик, и девушка поняла — это была маска.

Ей стало жутко, и она даже какое-то мгновение не могла дышать.

— Им нужны только те благородные девы, в которых есть магия. — Валентин сел на кровать, потом лег. Дайна закусилла костяшку указательного пальца, почти не слыша, о чем он говорит.

Ей вдруг сделалось очень жарко. Щеки опалило пламя, глаза стало жечь. Что-то похожее принцесса испытывала в первую брачную ночь, когда ждала прихода Кендрика.

Он не пришел. От костра в ее душе остался лишь пепел.

— Я помню тот прием, — продолжал Валентин. — Тогда в вас не было ни капли волшебства. Самая обычная девушка, которая очень хочет быть милой и доброй, стремится всем понравиться и стать хорошей. Что на самом деле у нее в душе? Бог весть. Никому это не интересно.

Дайна всхлипнула. Слезы появились сами. Все было напрасно, все ее мечты и надежды, все рухнуло в один день. Ее просто использовали те, кого она искренне считала близкими людьми, и они радовались, когда принцесса-попрошайка навсегда ушла из их жизни.

— Не бойтесь. Я не ваш муж и не ваша свекровь, чтобы причинять вам боль.

Тяжелое давящее чувство, что окутало Дайну, растаяло — она вдруг поняла, о чем именно говорил Валентин. Поняла и от удивления даже села в кровати.

— Подождите, вы считаете, во мне есть магия?

Ей казалось, что скрипучая и неудобная гостиничная кровать плывет в океане мрака. Откуда-то издали доносились голоса и негромкая музыка. Силуэт человека на кровати был непроницаемо черным, но Дайна почувствовала, что Валентин улыбается. Она ощутила эту улыбку, словно прикосновение пальцев к щеке.

— Да, — ответил он. — Теперь есть. Гранд-мастер Баэрн дал мне об этом знать, как и полагается по нашему протоколу. А я предположил, что там, где есть принцесса-волшебница, обязательно появится и дракон. И мне почему-то захотелось, чтобы он остался без обеда.

— Магия... — прошептала Дайна. Дотронулась до груди и почувствовала, как что-то дрогнуло и запульсировало под кожей. — Но почему? Откуда она взялась?

Минутная растерянность отступила. Дайна поняла, что теперь действительно может учиться в академии, а потом, набравшись опыта и сил, вернется в столицу.

Вернется и раздвинет землю под дворцом, чтобы Кендрик с его мамашей рухнули в пропасть.

— Иногда магию пробуждает сильное душевное потрясение, — ответил Валентин. — Его, видимо, вызвала новость о вашем разводе. Вы вышли из дворца уже волшебницами. Слабенькой, маленькой... и только от вас зависит, станете ли вы сильны и насколько. И да, кстати, предупреждая ваши вопросы о моей доброте: не со всякой магией берут в академию.

Дайна представила пропасть на месте дворца и как Кендрик падает неуклюже размахивая руками, и негромко рассмеялась. Скрипнула кровать — Валентин сел, и Дайна почувствовала, как от него веет теплом.

— Подумали о чем-то приятном? — поинтересовался господин ректор.

— Да, представила тут кое-что. — Принцесса улыбнулась и добавила: — Я очень вам благодарна, Валентин. Вы спасли мне жизнь.

Она запоздало поняла, что назвала ректора академии по имени, и ей сделалось не по себе.

— Вы станете волшебницей, Дайна, — услышала она. — Вы сможете добиться всего, что пожелаете. Знаете для чего?

Некоторое время девушка молчала. Музыка на улице стихла, а тьма, казалось, сделалась еще глубже и гуще. Был ли в ней еще кто-то, кроме нее?

Ей вдруг захотелось протянуть руку и дотронуться до Валентина. Просто для того, чтобы почувствовать себя живой — живой и неодинокой.

— Чтобы отомстить, — выдохнула Дайна. Когда Валентин осторожно прикоснулся к ее пальцам, она вздрогнула, но не убрала руку. Острый страх, который сейчас клубился в груди, приобретала какие-то странные, влекущие нотки.

Господи, да что это с ней! Это так пробуждается и крепнет ее волшебство или это Валентин так играет с человеком, который не способен сопротивляться?

— Нет, — откликнулся Валентин, и в его голосе Дайна услышала вкрадчивые теплые оттенки. — Это для того, чтобы вы наконец-то стали той, кто вы есть на самом деле. И жили счастливо.

Поцелуй обжег губы — Дайна пропустила тот момент, когда Валентин приблизился к ней. Вот он был в стороне — а вот уже рядом, и она тонет в его тепле, в запахе сухих трав, в прикосновении губ. На миг все тело Дайны стало туго натянутой струной — неосторожно дотронешься и лопнет со стоном. Она сама не поняла, как ее ладонь легла на чужое плечо, как приоткрылись губы, откликаясь на поцелуй, как в висках запульсировала боль.

Дайне сделалось стыдно — до нервно сбившегося ритма сердца, до ослабевших ног, до заледеневших рук. «Это сон, — мелькнула запоздалая мысль. — Я сплю, я ведь не могла на это согласиться...» Пальцы ректора мягко скользнули по ее шее, очертили ключицы, и девушка почувствовала, как сорочка, ее единственная защита, вдруг растаяла — Дайна почти увидела, как ткань растеклась белыми нитями тумана, оставив ее обнаженной и беспомощной.

Ее бросило в стужу — и тотчас же окатило жаркой волной. Пальцы Валентина были сухими и холодными, а губы обжигали, принцесса вдруг услышала сдавленный полувсхлип-полувздох и с удивлением узнала свой голос. Губы ректора спустились от шеи Дайны ниже, язык скользнул по соску, и, почувствовав легкий укус, она почти перестала дышать.

Сладко.

Мучительно.

Это заставляло выгибаться в чужих объятиях, задыхаться от огня, который медленно растекался по телу, умолять о том, чтобы это не прекращалось.

То, что она ощущала, было безумием. Опаляющим безумием, которое почти подавляло сознание. По краю памяти мелькнул год, который прошел в тумане фальшивого брака — мелькнул и растаял. Его испепелило пламя, что сейчас пульсировало огненным сгустком внизу живота.

— По...жалуйста... — выдохнула Дайна куда-то во тьму. — Пожалуйста...

Она не понимала до конца, о чем просит. Зато Валентин понял — мягко приподнял ее бедра, и Дайна почувствовала сначала осторожное прикосновение, а затем резкий толчок — туда, в пылающую точку между ее ног.

На несколько секунд ей стало больно. Потом Валентин начал двигаться, и от каждого его движения по телу плыла волна густого сладкого удовольствия. Кровать под ними скрипела и ходила ходуном, и Дайна внезапно поняла, что подается навстречу чужой плоти, заполнившей ее до краешка.

Это сводило с ума.

Прикосновения, плавные и неторопливые, стали резкими, нервными, рваными.

Поцелуи, осторожно-изучающие поначалу, сделались беспорядочными, даже грубыми, почти укусами.

Ритм, в котором они двигались вдвоем, превратил их в единый организм, в одно существо.

Это было безумие, и Дайне хотелось утонуть в нем.

А потом огненная точка взорвалась, и принцесса забыла обо всем. Чуть позже она почувствовала, как в ней пульсирует горячее семя, и вскоре Валентин со вздохом уткнулся влажным лбом в ее плечо.

Дайна опомнилась через несколько минут, когда сладкое марево истомы отступило, позволяя ей дышать. Валентин осторожно обнимал ее, неспешно поглаживая по бедру, и это прикосновение словно говорило: ты другая. Ты теперь совсем другая.

— Я не знала, что это... вот так, — выдохнула она. Пальцы невидимого в темноте мужчины пробежались по ее плечу, и Дайна почувствовала, как проваливается в сон.

— Да, — усмехнулся Валентин. — Это вот так.

Сквозь мрак проступали очертания предметов. Где-то вдали всхлипнула музыка и стихла.

Мир возвращался к себе, вновь становился устойчивым и привычным.

«Не влюбляться в него, — подумала Дайна. — Господи, пожалуйста. Не дай мне в него влюбиться».

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> Принцесса без короны	5
<i>Глава 2.</i> Человек в серебряной маске	33
<i>Глава 3.</i> Брат моей крови	56
<i>Глава 4.</i> Цветы отбора невест.	91
<i>Глава 5.</i> Принцесса на горошине	123
<i>Глава 6.</i> Рубашка для принца	152
<i>Глава 7.</i> Лицо врага	186
<i>Глава 8.</i> Хлебная жаба	211
<i>Глава 9.</i> Имя Южанина	241
<i>Этилог</i>	274